

ЭТНИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА САМОДЕРЖАВИЯ И НЕКОРЕННЫЕ ЭТНИЧЕСКИЕ ГРУППЫ В БАЙКАЛЬСКОМ РЕГИОНЕ (конец XIX — начало XX в.)

Л. В. Кальмина

Статья посвящена политике самодержавия по отношению к некоренным этническим группам в Байкальском регионе (территории современных Иркутской области, Республики Бурятия и Забайкальского края, в исследуемый период — Иркутской губернии и Забайкальской области) в сравнении с общеимперской этнической политикой. На фактическом материале показывается, что, несмотря на особый административный статус региона как края каторги и ссылки, этническая политика здесь проводилась в более сдержанном варианте, чем в западных губерниях империи, анализируются причины данного явления.

Байкальский регион, этническая политика, этнические группы, конфессиональные группы.

Этническая политика всегда стояла в ряду приоритетных направлений деятельности многонационального государства. Хотя трудноразрешимые межнациональные конфликты не являются неизбежными и не предопределены самой природой этничности и фактом сосуществования различных национальностей в рамках одного государства [Тишков, 2005. С. 52–53], этническая разнородность, как правило, несет в себе некоторый конфликтогенный потенциал. В условиях социально-экономической нестабильности этническими чувствами легко манипулируют политики для достижения своих — далеко не всегда праведных — целей. Поэтому вопросы формирования этнополитической стратегии государства остаются актуальными, модифицируясь в соответствии с временем.

Приоритетом политики самодержавия в отношении нерусских народов служила внутренняя и внешняя безопасность: этническая гетерогенность представляла угрозу целостности империи. Движение нерусских народов, столь же опасное для ее стабильности и единства, как и революционное движение, подлежало подавлению. При обеспечении нерусскими элитами социально-политической стабильности в своих регионах и проявлении ими лояльности государю их принимали в качестве партнеров [Каппелер, 2000. С. 182.].

В последние десятилетия XIX в. царизм практиковал «великодержавное» наступление на права неправославного населения [Ислам в Российской империи..., 2001. С. 24]. А. Каппелер выстроил шкалу интенсивности, с какой разные народы Российской империи подвергались унифицирующей интеграции. Верх шкалы занимали поляки, поскольку в Польше были весьма сильны сепаратистские настроения. С 30-х гг. XIX в. на протяжении по крайней мере четырех десятилетий поляки численно преобладали среди государственных преступников и определяли облик политической ссылки, а после восстаний 1831 и 1863–64 гг. в глазах общественного мнения они стали возмутителями общественного спокойствия, которых можно обуздать только жестокими репрессиями. Поэтому по отношению к ним применялась форсированная интеграция: насильственная унификация, репрессии против католического духовенства и открытая культурно-языковая русификация [Каппелер, 2000. С. 187–188]. На нижнем делении шкалы находились мусульмане, по отношению к которым практиковалась политика гибкой интеграции. Признав права мусульманской общины России на религиозную самобытность, русская власть оказывала содействие экономическому и духовному развитию татарских торговых колоний, соблюдая при этом государственный контроль за степенью распространения ислама [Ислам в Российской империи..., 2001. С. 19; Кефели-Клай, 2005. С. 542].

Евреи как мобильная религиозно-этническая группа-диаспора представляют собой особый случай: политика по отношению к ним выходила за рамки данной шкалы и часто вообще лежала за пределами правового поля. Еще со времен Екатерины II Российское государство руководствовалось двумя принципами: евреи противники христианства, опасные для господствующей церкви [Слоуком, 2005. С. 515], и они по роду своих занятий сознательно «расстраивают благо-

состояние русского крестьянства». В конце XIX в. к всеобщим представлениям об «эксплуаторской сущности» евреев добавился негативный стереотип их неперменной «политической неблагонадежности» и поголовного революционаризма [Гольденвейзер, 2002. С. 117], что в известной степени было правдой: евреи в силу своего неполноправного положения и национального унижения неизбежно должны были «производить» из своей среды революционеров [Будницкий, 1999. С. 10]. На протяжении всей своей истории империя так и не смогла выработать однозначной тактики в отношении к евреям, то раздражаясь по поводу их «обособленности», препятствующей инкорпорации в имперское общество, то выстраивая барьеры на пути этой инкорпорации, когда прежняя политика начинала приносить плоды в виде угрожающего роста процента ассимилированных, европейски образованных евреев.

Немецкий вопрос, который ранее не занимал в этнической политике империи сколько-нибудь значительного места, вышел на первые позиции с началом Первой мировой войны. Отныне весь пыл идеологической борьбы был направлен на «немецкое засилье», а германофобия порой выходила на первые позиции по степени этнической неприязни, опережая даже антисемитизм.

Таким образом, в роли «крайних» поочередно побывали разные этносы. Искусственно развязанные войны с «инородческим засильем», игравшие роль клапана для выпуска пара общественного недовольства, стали составной частью имперской этнической политики. Как правило, они были кратковременны и затухали, как только ситуация стабилизировалась и в поисках «козла отпущения» больше не было нужды.

Хотя российская политика по отношению к разным народам обнаруживала нарастающую тенденцию к репрессиям и усиленной унификации, представление о последовательной русификации с целью превращения Российской империи в однородное и цельное национальное государство было бы слишком упрощенным. Этническая политика не была одномерной ни во времени, ни в пространстве: самодержавие понимало невозможность подчинения окраин империи действию общеимперских юридических норм в полном объеме [Дамешек, 2005б. С. 155–156].

Сибирь в ряду окраинных регионов занимала особое место, спрограммированное статусом края ссылки и каторги и соответствующим законодательно-территориальным устройством. По отношению к «коренным» народам административная инфраструктура империи вынуждена была учитывать определенные национальные традиции и особенности вплоть до сохранения названий административно-территориальных единиц, должностных лиц и традиционных институтов управления, поскольку царизм во всех регионах стремился опереться на местную элиту [Дамешек, 2005а. С. 157–158]. По отношению к этносам, оказавшимся в Сибири в роли диаспоры, стратегия действий была совершенно иной. Конечно, на регион неизбежно экстраполировалась этническая политика, проводившаяся в метрополиях¹, но в целом сибирская региональная этническая политика не всегда совпадала с имперской по ряду причин. Во-первых, в отличие от центральной власти, делавшей акцент на карательном значении ссылки, региональная власть рассматривала «штрафную» колонизацию — главную составляющую некоренных этнических общин в регионе — прежде всего как колонизационный элемент, необходимый для экономического освоения региона [Ремнев, 1994. С. 67]. Во-вторых, перечисленные этнические группы были малочисленны и в силу своей отдаленности от основной массы единоверцев и многолетней жизни в «рассеянье» не представляли опасности для империи. В-третьих, пришельцы не вызывали раздражения коренных сибиряков, обладавших в силу «привычки» к потокам иноверцев — обычным в крае интенсивной колонизации — высокой степенью толерантности. И наконец, в исследуемом регионе можно выделить дополнительный фактор, играющий на смягчение этнической политики: молитвенные учреждения как носители и хранители этнической идентичности некоренных народов в большинстве своем появились в регионе относительно поздно, на рубеже XIX–XX вв., и не смогли существенно повлиять на его политическую жизнь. К тому же и православию к этому времени частично утратило свое — прежде исключительное — влияние.

Положение той или иной этнической группы даже в штрафной колонизации во многом зависело от официального правового статуса общности, который определялся рядом факторов — от обстоятельств вхождения народа в империю до конъюнктурной политической ситуации. По-

¹ Термином «метрополия» в данном случае мы обозначаем территорию компактного расселения этноса, место его «исхода» в Сибирь. Для поляков — это Царство Польское, для евреев — черта еврейской оседлости, т. е. 17 губерний в западной и юго-западной части империи, где им было разрешено постоянное жительство, для мусульман — Волжско-Уральский регион, выходцы из которого составили основу мусульманской диаспоры Байкальского региона.

ляки, даже при известной доле недоверия чиновников по отношению к ссыльным участникам восстаний, рассматривались как почти привилегированное «сословие». Принципиальное отличие политики региона от политики центра видно в отношении к занятиям поляков интеллектуальным трудом. По мнению центральной власти, они могли использовать свою деятельность «в противоправительственных целях», поэтому специальными «Правилами по устройству быта» сосланных в Сибирь поляков им запрещалось заниматься воспитанием детей, преподаванием, содержанием аптек, типографий, фотографий, иметь медицинскую практику, служить в правительственных учреждениях и т. д. Нелепость этого постановления была очевидной: в среде ссыльных поляков было немало опытных врачей, педагогов и других специалистов, острую нехватку которых испытывала Сибирь. Поэтому, вопреки запретам Петербурга, прошения ссыльных поляков-медиков о разрешении поступить на регулярную гражданскую службу по медицинскому ведомству получали поддержку местной администрации [Мулина, 2006. С. 37–38; Шостакович, 1996. С. 56].

В основе жизни татарских общин Сибири лежал ислам: мечеть не только выполняла религиозную функцию, но и являлась центром социальной жизни татарских общин в регионе [Бобкова, 2006. С. 18]. На рубеже XIX–XX вв. самодержавие опасалось широкого распространения панисламизма [ГАРФ. Ф. 102. ДПОО. Оп. 241. 1911. Д. 74. Ч. 27. Л. 1]. Но, хотя он дотянулся до Иркутской губернии, в целом Байкальский регион оказался на обочине этих процессов ввиду крайней малочисленности мусульманской диаспоры и ее оторванности от основной массы единоверцев: мусульмане составляли всего 0,9 % населения Восточной Сибири, 1,48 % населения Иркутской губернии и 0,48 % — Забайкальской области [Константинова, 2004. С. 98; Первая Всеобщая перепись населения, 1904б. С. XI, 55–57, 81; Первая Всеобщая перепись населения, 1904а. С. 23, 62–63].

Отношение к евреям в Сибири лишь с некоторыми модификациями копировало европейский вариант. Ограничение в передвижении по региону пределами волости или уезда, что не практиковалось по отношению ни к какому другому народу, позволило нам ввести в научный оборот термин «сибирская черта еврейской оседлости» [Кальмина, 2003а. С. 49–60]. Это уникальное явление, когда «жизненное пространство» каждого представителя еврейского этноса было жестко ограничено рамками определенной территории, которую он не имел права покидать без специального разрешения. Закон о запрете пребывания евреев в 100-верстной полосе от китайской границы оставался действующим даже после отмены аналогичного закона о запрете пребывания евреев в 50-верстной полосе от западной границы [Кальмина, 2003б. С. 33]. Факторами, в целом объясняющими ужесточение российской дискриминационной политики по отношению к евреям, специфику сибирского еврейского законодательства не объяснишь. Здесь не существовало опасности «еврейской эксплуатации» из-за отсутствия жесткой конкуренции и относительно позднего вхождения евреев в систему общественного разделения труда. Евреи Сибири не составляли «критической массы» в революционном движении. Да и свою вызывающую «обособленность» они здесь не демонстрировали. Малая доля в сибирском населении, низкая концентрация в отдельных населенных пунктах (во многих жили лишь по две-три еврейские семьи) лишали евреев возможности соблюдать религиозные обряды², а полное отсутствие традиционных институтов, консервирующих национальную жизнь, обрекало на значительную потерю этничности. Типичность евреев как сибиряков, их абсолютную органичность в сибирском обществе, высокую степень включенности в общественную жизнь отмечали многие современники [Максимов, 1871. С. 341; Тихонов, 1905. С. 278; Белковский, 1905. С. 12–13].

Очевидно, черту оседлости как привычную форму сдерживания еврейской активности породила инерция государственного антисемитизма, проводниками которого стали приехавшие из центра чиновники различного ранга. Тем более что активность эта в 80–90-е гг. XIX в. стала очень уж заметной, а к началу XX в. евреям принадлежали четверть наиболее крупных торговых фирм Иркутска и почти половина — Читы и Верхнеудинска. В торговле пушниной, готовым платьем, металлическими изделиями, скобяными товарами, оконным стеклом они занимали лидирующие позиции [Кальмина, 2003а. С. 141–142]. Однако законодательство о сибирской черте оседлости спасовало перед реалиями сибирской жизни по нескольким причинам. Первая — неопределенность в законоположениях, допускающая самое разнообразное их толкование и тем

---

² По Уставу Духовных дел иностранных исповеданий, молельный дом можно было строить только в селении, где жило не менее 30 еврейских семей.

сводящая исполнительскую дисциплину на местах практически к нулю. Вторая — физическая неспособность местной администрации при огромном множестве дел такого рода контролировать их точное исполнение. И, наконец, главная — несомненная польза, которую евреи приносили краю своей экономической деятельностью, что было признано на официальном уровне [ГАИО. Ф. 25. Оп. 9. К. 917. Д. 26. Л. 259, 384–385; Иркутский генерал-губернатор..., 1901. С. 70]. По иронии судьбы их экономическая активность, ставшая причиной ограничения «жизненного пространства», способствовала и его расширению.

Политикой по отношению к немецкому населению в регионе было отсутствие таковой. Правительством поощрялось привлечение немецких иммигрантов, зажиточных и опытных хлебопашцев, для сельскохозяйственной колонизации [Шайдуров, 2005. С. 182–183]. Однако в Сибирь прибывали в основном представители беднейших слоев населения, в наибольшей степени пострадавшие от переживаемых Германией экономических проблем и революционных потрясений. Своей обособленностью они провоцировали неприязнь, которая усилилась в годы Первой мировой войны [Котвицкая, 2004. С. 64–65; Малиновский, 2003. С. 49], хотя и проявлялась в более смягченной, чем на западе, форме.

Региональной особенностью было отсутствие насильственного обращения в православную веру. Переход в православие стимулировался различными льготами. К примеру, массовое принятие православия польскими конфедератами в 1773–1774 гг. исследователи связывают с принятием в 1773 г. Указа о «непосылании в Сибирь на поселение польских конфедератов, воспринявших православную Греко-российскую веру и об оставлении их в свободном состоянии». Хотя в указе речь шла о тех конфедератах, которых еще не отправили в Сибирь, в самой Сибири, по-видимому, это распоряжение было воспринято как возможность возвращения на родину [Крих, 2006. С. 25]. Татар к обращению в христианство побуждало частичное освобождение от уплаты налогов и воинской службы, а как поселенцы они получали новые льготы. Евреи меняли вероисповедание чаще других — для получения права свободного передвижения или образования в обход установленной для них процентной квоты. Сам факт, что обращение в христианство освобождало еврея от правовой дискриминации, можно рассматривать как надежный индикатор отношения властей к иудаизму. Однако отказ от него не приносил желанного равноправия: в этом случае акцент часто делался на этнической принадлежности еврея [Галашова, 2006. С. 201].

Открытие духовных учреждений разных вероисповеданий в Сибири, как правило, не встречало препятствий. В Верхнеудинске, например, в 1904 г. татарская община получила разрешение на открытие татарской мечети. Хотя главное для этого условие — наличие двухсот самостоятельных хозяев-мужчин — отсутствовало, в магометанских приходах, подведомственных Оренбургскому духовному собранию, допускалось любое число верующих при «отсутствии соблазна вере для живущих вместе с магометанами христиан и новокрещенных татар» [СЗРИ, 1900. Ст. 155; ПСЗРИ. Собр. третье, 1888. С. 532–533; НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 1877. Л. 2]. В 1907 г. разрешение на открытие костела получила католическая община Верхнеудинска [НАРБ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 2346. Л. 2]. Рост числа молитвенных учреждений в Забайкалье в 1908–1912 гг., на наш взгляд, объясняется отнюдь не принятием закона 17 апреля 1905 г. о свободе вероисповедания. Определяющим при разрешении открытия духовного учреждения была численно укрепившаяся диаспора, обнаружившая тягу к духовной жизни. Синагоги в Верхнеудинске и в Петровском Заводе Верхнеудинского округа были открыты еще в 1882 г. [Кальмина, Курас, 1999. С. 107].

Итак, в целом в Сибири и в частности в Байкальском регионе, несмотря на его статус ссыльно-каторжного края, этническая политика проводилась в более мягком варианте, чем в западных частях империи. Во-первых, потому, что диаспоры рассматривались сибирской администрацией прежде всего как колонизационный элемент, призванный внести свою лепту в развитие экономики и культуры края. Во-вторых, в силу их отдаленности от основной массы единоверцев и дисперсного расселения, какие-либо сепаратистские тенденции, представляющие угрозу безопасности империи, отсутствовали, а открытие духовных учреждений, являвшихся стержнем духовной (и социальной) жизни, произошло относительно поздно и не оказало существенного влияния на политическую жизнь региона. Большая часть представителей диаспор во втором поколении уже не хотела покидать Сибирь, а на рубеже XIX–XX вв. вольная колонизация превышала штрафную. С Сибирью пришлые народы связывали надежды заработать деньги, сделать карьеру и избежать крайностей в этнической политике государства, с которыми сталкивались их единоверцы в западных регионах империи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

- Иркутский* генерал-губернатор. Всеподданнейший отчет за 1900–1901 г. Иркутск, 1901. 87 с.
Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 74: Забайкальская область. СПб., 1904а.
Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. Т. 75: Иркутская губерния. СПб., 1904б.
ПСЗРИ. Собр. третье. СПб., 1888. Т. 6. Отд-ние 1.
СЗРИ. Изд. 1900 г. Т. 12, ч. 1. Устав Строительный. Гл. 5.

Литература

- Белковский Г. А.* Русское законодательство о евреях в Сибири. СПб., 1905. 160 с.
Бобкова Г. И. История татарских общин Иркутской губернии конца XIX — начала XX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2006. 23 с.
Будницкий О. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция // Евреи и русская революция: Матер. и исслед. М.: Иерусалим, 1999. С. 3–21.
Галашова Н. Религиозная деятельность как форма этнической самоорганизации евреев Томской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.) // Диаспоры. М., 2006. № 3. С. 180–202.
Гольденвейзер А. А. Правовое положение евреев в России // Книга о русском еврействе от 1860-х годов до революции 1917 г. М.: Иерусалим, 2002. С. 115–158.
Дамешек И. Л. Роль этнического и природно-географического факторов в окраинной политике Российской империи // Азиатская Россия: люди и структуры империи: Сб. науч. ст. Омск, 2005а. С. 155–162.
Дамешек И. Л. Российские окраины в имперской стратегии власти (начало XIX — начало XX вв.). Иркутск, 2005б. 323 с.
Ислам в Российской империи: (Законодательные акты, описания, статистика) / Сост. Д. Ю. Арапов. М., 2001. 367 с.
Кальмина Л. В., Курас Л. В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века — февраль 1917 года). Улан-Удэ, 1999. 172 с.
Кальмина Л. В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. — февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003а. 423 с.
Кальмина Л. В. Запрет на пребывание евреев в пограничной полосе: сибирский вариант // Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке: история и современность: Матер. IV регион. науч.-практ. конф., г. Биробиджан, 25–26 авг. 2003 г. Красноярск: Биробиджан, 2003б. С. 30–33.
Каппелер А. Россия — многонациональная империя. М., 2000. 344 с.
Кефели-Клай А. Н. Народный ислам у крещеных православных татар в XIX веке // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 539–569.
Константинова Н. А. Численность мусульман Восточной Сибири в XIX — начале XX вв. // Иркутский историко-экономический ежегодн. Иркутск, 2004. С. 97–99.
Котвицкая Г. А. Борьба с немецким засильем в российском обществе как проявление воинствующего этноцентризма в условиях Первой мировой войны // Социальные конфликты в истории России: Матер. Всерос. науч. конф., г. Омск, 22 окт. 2004 г. Омск, 2004. С. 62–66.
Крих А. А. Барские конфедераты на поселении в г. Таре (последняя треть XVIII в.) // История и культура поляков в Сибири: Сб. матер. межрегион. науч.-практ. конференций «История и культура поляков Сибири» 2005–2006 гг. Красноярск, 2006. С. 24–28.
Максимов С. В. Сибирь и каторга. СПб., 1871. Ч. 1. С. 341.
Малиновский Л. В. Безземельные — ключевая проблема истории немецких колонистов в России XIX в. // Немцы Сибири: история и культура: Матер. Четвертой междунар. науч.-практ. конф., г. Омск, 29–31 мая 2002 г. Новосибирск, 2003. С. 48–60.
Мулина С. А. Поляки-медики в западносибирской ссылке // История и культура поляков в Сибири: Сб. матер. межрегион. науч.-практ. конференций «История и культура поляков Сибири» 2005–2006 гг. Красноярск, 2006. С. 36–40.
Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь в конце XIX — начале XX века: проблемы регионального управления // Отеч. история. 1994. № 2. С. 60–73.
Слоуком Дж. У. Кто и когда были «инородцами»? Эволюция категории «чужие» в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. М., 2005. С. 502–531.
Тихонов Т. И. Сибирские евреи, их права и нужды // Сибирские вопр. 1905. № 1. С. 278–309.
Тишков В. А. Этнология и политика. М., 2005. 383 с.

Этническая политика самодержавия и некоренные этнические группы...

Шайдуров В. Н. Российские немцы на Алтае: конец XIX — начало XX в. // История Алтайского края. XVIII — XX вв.: Науч. и док. матер. Барнаул, 2005. С. 181–191.

Шостакович Б. С. Поляки в Сибири: экскурс в историю // Поляки в Бурятии. Улан-Удэ, 1996. С. 3–68.

Улан-Удэ, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН

The article is devoted to a policy led by the autocracy regarding non-indigenous ethnic groups in the Baikal region covering territories of modern Irkutsk Oblast, Republic of Buryatia and Transbaikalian region (Irkutsk gubernija and Transbaikalian Oblast, during the investigated period) compared with general imperial ethnic policy. Basing on the facts, it is shown that, despite a particular administrative status of the region as the area of penal servitude and exile, the ethnic policy here was led in a more reserved manner than in the west gubernijas of the Empire, subject to consideration being reasons of this phenomenon.

The Baikal region, ethnic groups, confessional groups.